
А.С. Кручинин

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ БРОШЮРА»
ГЕНЕРАЛА Я.А. СЛАЦОВА-КРЫМСКОГО:
К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКОМ И ЖАНРОВОМ
СВОЕОБРАЗИИ

Генерал Яков Александрович Слещов (1885–1929), последним из русских военачальников удостоенный почетного титула-приставки к фамилии («Крымский», которой главнокомандующий Русской армией барон П.Н. Врангель отметил его заслуги по обороне Крыма от численно превосходивших советских войск в зимне-весеннюю кампанию 1920 г.), не может не привлечь внимания исследователя и как один из первых мемуаристов, по горячим следам запечатлевших события Гражданской войны. В ноябре 1920-го он покинул родную землю, эвакуировавшись за границу в составе Русской армии, а уже 14 января 1921 г. в Константинополе, в издательстве М. Шульмана вышла в свет книга¹, которую сам генерал впоследствии называл «константинопольской брошюрой»². Она имела громкий (по мнению некоторых, даже крикливый) заголовок: «Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма.) Мемуары и документы» — и сразу же вызвала оживленную полемику. Впрочем, и сейчас, когда страсти вокруг «константинопольской брошюры», казалось бы, окончательно отошли в прошлое, она не утратила значения и не затерялась среди многообразия эмигрантской мемуаристики, являясь ценным источником по истории Белого движения и первого периода пребывания русских изгнанников на чужой земле³.

Сразу же следует отметить, что сам автор, чье имя стоит на обложке книги, загадал будущим исследователям загадку, утверждая в 1923 г.: «...писал ее не я, а генерал Киленин» (генерал Н.А. Киленин был прикомандирован к «состоявшему в распоряжении главнокомандующего» Слещову еще летом — осенью 1920 г., когда Яков Александрович занимался «украинским вопросом» и делами «улучшения быта военнослужащих»)⁴. «Смена» авторства согласно рассказу Слещова была связана с полемическим характером книги, которая содержала резкую критику действий Врангеля в 1920 г. и возлагала на него ответственность за проигрыш кампании и за то, что эвакуированные из Крыма войска и беженцы оказались на чужбине в

---

¹ *Слещов-Крымский Я.А.* Требую суда общества и гласности: (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы. Константинополь: Книгоизд-во М. Шульмана, 1921.

² См.: *Слещов Я.А.* Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.; Л.: Гос. изд-во, [1924]. С. 143.

³ Первую попытку анализа мемуаров Я.А. Слещова см. в нашей работе: *Кручинин А.С.* Воспоминания генерала Я.А. Слещова-Крымского как источник по истории Гражданской войны в России // Библиотека и история: Сб. науч. тр. / Государственная публичная историческая библиотека России. Вып. 4. М., 1998. С. 118–140.

⁴ *Слещов Я.А.* Крым в 1920 г. С. 130, 142.

весьма тяжелом положении. Публичный, а не ограничивающийся только частной перепиской конфликт с главнокомандующим мог навлечь на автора гонения: «...в момент набора книги, — пишет Слащов, — контрразведка так стала запугивать, что Киленин испугался. <...> ...Киленин отказался поставить свое имя на брошюре, которая почти целиком состояла из моих документов. Тогда я, уже связанный получением задатка и неустойкой, должен был срочно поставить на книжке свою фамилию и попросить заменить слова “комкор” (командир корпуса — должность, которую Яков Александрович занимал в 1920 г. — А.К.) и “Слащов” словом “я” (т. е. перевести повествование из третьего лица в первое. — А.К.)»⁵.

Окончательного решения проблема авторства «константинопольской брошюры», скорее всего, никогда не получит, однако некоторые соображения на этот счет могут быть высказаны. С одной стороны, своеобразная «презумпция невиновности» не дает оснований игнорировать свидетельство Слащова, что Киленин помогал ему при подготовке книги, и вполне правдоподобно, что Якова Александровича устроило бы, если бы она была подписана человеком сторонним, не участвовавшим в конфликте с Врангелем; правда, подчиненное положение Киленина по отношению к Слащову все равно могло вызвать обвинения в пристрастности и зависимости «автора» от «главного героя» книги. В то же время сжатые сроки подготовки рукописи (последний из помещенных в книге документов датирован 26 декабря 1920-го, а вышла она, как мы помним, 14 января следующего года) заставляют с сомнением отнестись к предположению, будто текст Киленина успел подвергнуться серьезной стилистической переработке со стороны Слащова. Стиль же книги представляется весьма своеобразным и заслуживает специального обсуждения.

Хотя уже в 1921 г. рецензент парижских «Последних новостей» высокомерно назвал ее всего лишь «бессистемным сборником рапортов и донесений»⁶, — в действительности собственный авторский текст, даже в тех случаях, когда он выполняет служебную функцию «связок» между публикуемыми документами, отнюдь не заслуживает пренебрежения. Яркие и эмоционально окрашенные «связки» играют, на наш взгляд, существенную роль в поддержании общей «тональности» книги, ее полемиического накала, создают выразительную речевую характеристику автора. Именно поэтому имеет смысл сопоставить авторский текст «константинопольской брошюры» с документами, неоспоримо принадлежащими Слащову.

Яков Александрович вообще относился к числу военачальников, предпочитающих непосредственно общаться с войсками и населением. Благодаря этому образцы его речи, письменной, а может быть, и устной (диктовка?), сохранились в сравнительно большом количестве как среди документов, выходявших из корпусного штаба, так и в газетных публикациях, призванных ознакомить широкую общественность со взглядами генерала. (Иногда он не останавливался и перед вступлением в газетную полемику, не боясь играть при этом на чужом поле и не подменяя спор с оппонентами административными мерами, направленными против последних.) Живой голос Слащова звучит с архивных листов и газетных страниц:

---

⁵ Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 142–143.

⁶ Не-Буква [Василевский И.М.] На пепелище // Последние новости. 1921. 4 фев. № 243. С. 2.

«...Повторно разъясняю, что мне ген<ералом> Шиллингом приказано удерживать Крым и что я это выполняю во что бы то ни стало, и не только попрошу, а заставлю всех помочь. Мешающих же этому сопротивлением и индифферентностью из-за корыстных целей, наносящих вред борцам за Русь Святую, говорю заранее: упомянутая бессознательность и преступный эгоизм к добру не поведут. Пока берегитесь, а не послушаетесь — не упрекайте за преждевременную смерть...»⁷

«...На основании ложных не проверенных слухов мелкие команды пополнения, следовавшие на фронт, не ускорили (в записи телеграммы — «не ускорив». — А.К.) свой шаг вперед и не пришли на помощь честно выполнившим свой долг, а повернули назад. Советую вернуться, пока не поздно. Предупреждаю, что все, без дела болтающиеся в тылу, грабящие население, предательски оставляющие без поддержки своих братьев в бою, будут мною беспощадно (дефект записи, по смыслу — «уничтожаться». — А.К.) как паразиты морального сыпняка...»⁸

«...Раз навсегда положить конец этим безобразиям и насилиям, виновных — расстреливать на месте. Исполнение сего приказа возлагаю на начальников частей и отрядов, начальников гарнизонов и командиров Государственных страж (так в документе. — А.К.). Начальников, не исполнивших сего приказа, — расстреляю сам...»⁹

«...Небрежность в этом вопросе (обустройства тыловых лазаретов. — А.К.) объявляю помощью большевикам.

...При первой возможности осмотрю сам, и виновные, берегись...»¹⁰

«...Вновь повторяю и категорически требую внушить всем, что на каждое наступление противника необходимо немедленно отвечать переходом в контр-наступление, не боясь численного перевеса красных. Стыдно, у нас зачастую на должностях рядовых — специалисты военного дела — офицеры, а у красных?...»¹¹

«...Поражаюсь, что профессиональные союзы с трудом сдерживают волнение рабочих. Неужели они так далеко стоят от них, что преступления отдельных лиц могут поколебать положение избранных. Если избранные настолько слабы, то я берусь поговорить с рабочими, так как твердо уверен, что у них здоровый смысл возьмет верх над всякой провокацией...»¹²

«...Объявляю комическую телеграмму капитана Орлова (командира добровольческого отряда, дважды восстававшего под лозунгами «оздоровления тыла» и «обер-офицерской революции». — А.К.)...

...Мне остается спросить капитана Орлова: 1) Почему Вы подчинились моему приказу — не потому ли, что я пригрозил Вам опубликовать нашу переписку? 2) Почему Вы вторично восстали — не потому ли, что я потребовал от Вас отчета в деньгах? 3) Почему Вы считаете себя защитником России — неужели потому,

⁷ Цит. по факсимильному воспроизведению в: Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). [Симферополь]: Крымгосиздат, 1927. С. 289.

⁸ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 39696. Оп. 1. Д. 54. Л. 6 об., 7.

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Освобождение общественных деятелей // Юг (Севастополь). 1920. 20 февр. [ст. ст.] № 168. С. 1–2.

что Вы бежали с фронта? 4) Почему Вы объявляете о движении своих армий на все города Крыма — неужели потому, что имеете 16 человек?..»¹³

«...Никогда ничего против совместной работы с комитетами и с союзами не имел. Но предатели России живыми не останутся. Фронт будет диктовать тылу, а не тыл фронту. 10 прохвостов вчера расстреляны по приговору военно-полевого суда, а сегодня утром взяты Чаплинка и Преображенка, масса пленных и трофеи...»¹⁴

«...В № 185 газеты “Юг” от 12-го сего марта помещена статья “Вторжение в судебную сферу”. Составителям ее советую перечесть и подумать, не придется ли ее переименовать (если бы я ее послушался): “Вторжение большевиков в Крым”...»

Отвечаю: 1) дело не десяти, а четырнадцати разобрано судом от фронта. 2) Рабочие ко мне не обращались. 3) Я беспокоился о судьбе Крыма с находящимися в нем семьями, за которые отвечаю перед Родиной и своей честью, и потому одновременно разбил противника и утвердил приговор о расстреле предателей...»¹⁵

Как видим, многие из слещовских приказов, объявлений, писем, переговоров имели «устрашающий» характер, и надо сказать, что своей цели они достигали. Один из анекдотов на эту тему рассказывает генерал П.И. Аверьянов: «В Симферополе в виде протеста против какого-то распоряжения Слещова местные купцы и торговцы закрыли магазины и лавки. Горожане сообщили Слещову. Последовала от Слещова телеграмма по адресу купцов: “Немедленно открыть лавки, иначе приеду. Слещов”. В один миг все торговые учреждения были открыты»¹⁶. Показателен также пример красного подпольщика, годы спустя процитировавшего широко известный в Крыму приказ генерала — явно по памяти, но близко к тексту подлинника¹⁷. Но разумеется, не только к противникам — открытым, тайным или потенциальным, — но и к соратникам обращался Яков Александрович, и тогда в его приказах звучали искренняя благодарность, уважение, неподдельная теплота.

«Примите сами с Вашим начальником штаба и остальными офицерами — участниками четырехдневного тяжелого боя от лица службы мою глубокую благодарность за услугу, оказанную России. Всем солдатам передайте от меня “спасибо, братья”. Представьте героев к наградам, а офицеров по должностям и подвигам <—> к производству. Как человек, низко кланяюсь всем», — писал он командующему боевым участком¹⁸. Прощаясь со своим начальником штаба, генералом Г.А. Дубяго, ушедшим на другую должность, Слещов, вспоминая «прошлогоднее победоносное шествие от Ак-Маная через Перекоп на Береславль, геройское взятие Николаева, где полковник Дубяго лично впереди цепей тащил пулеметы, а потом теперешнюю защиту Крыма», завершал: «Поэтому могу сказать тебе, дорогой Георгий Александрович, только: “Спасибо, родной, и <да> хранит тебя Бог и в дальнейшем”» (приказ был опубликован в газетах)¹⁹. Наконец, в од-

¹³ Орловщина // Юг (Севастополь). 1920. 8 марта. № 182. С. 3.

¹⁴ Дело десяти // Там же. 14 марта. № 187. С. 2.

¹⁵ Возражение генерала Слещова «Югу» // Там же. 18 марта. № 188. С. 3.

¹⁶ Аверьянов П.И. Генерал Слещов-Крымский // Новый исторический вестник: Избранное, 2000–2004. [М.], [2004]. С. 260. (Библиотека «Нового исторического вестника»).

¹⁷ См.: Киселев Л.В. В Крыму (1919–1920 годы) // Новый мир. 1967. № 8. С. 182.

¹⁸ РГВА. Ф. 39696. Оп. 1. Д. 54. Л. 31.

¹⁹ Приказ 2-му армейскому корпусу № 276/а от 26 апреля 1920 года // Вечерний курьер (Симферополь). 1920. 29 апр. № 11. С. 3.

ном из официальных приказов (Крымскому корпусу от 15 апреля 1920 г. за № 99) Слащов приводит даже своего рода «зарисовку с натуры» (случай, в «приказной литературе» вообще крайне редкий):

«Сего числа Верховный Вождь наш генерал Врангель произвел смотр, кроме всех остальных войск, также небольшой части моего резерва — юнкеров, моего конвоя и летчиков.

Отзыв Верховного Вождя: “Давно не видал таких частей”.

Я доложил на это: — “Могу ли я, имея таких молодцов, сдать свой боевой участок?”

Верховный Вождь ответил: “Нет, за вас я спокоен”.

Я же говорю всем, как и раньше: “не уйду”, а героям: — “спасибо, братья, за то, что вы только спасаете Россию”.

Верховный Вождь генерал Врангель и я — с вами. От меня земной поклон — больше благодарить не умею»²⁰.

Сразу же приведем для сравнения две подобные зарисовки, также содержащие диалоги, — одну из «константинопольской брошюры», вторую из мемуаров Слащова, написанных в Москве, после того как генерал в ноябре 1921 г. неожиданно для многих недавних соратников уехал из Константинополя в РСФСР:

«Ставка колебалась.

Генерал Коновалов телеграфирует мне: “Движение противника на Мелитополь угрожает Вашему тылу”.

Я отвечаю: “Ну что же, я буду продолжать свою операцию”.

На это — новый запрос генерала Коновалова: “Но ведь, двигаясь на Мелитополь, Жлоба (командующий советской группировкой. — А.К.) отрежет Вам тыл”.

Отвечаю: — “Ну что же, противник на Мелитополь, а я — на Пологи (база красных)”»²¹.

Вторая зарисовка:

«Еле успев поздороваться, он (Врангель. — А.К.) потащил меня к карте, и произвел приблизительно следующий разговор. Врангель: “Вы знаете, Буденный здесь” (палец ткнулся в Н<ово>-Алексеевку).

Я. — Сколько?

В<рангель>. — 6–7 тысяч.

Я. — Откуда он, с неба или... Каховки?

В<рангель>. — Шутки неуместны: конечно с Каховки.

Я. — Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились еще больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, — они просят изложения обстановки...»²²

На наш взгляд, все три процитированные фрагмента стилистически довольно близки, несмотря на то что участие генерала Киленина в написании первого — практически невероятно (он появляется среди сотрудников Слащова намного позже), а последнего — полностью исключено. Слащовский же стиль официаль-

²⁰ Приказ Крымскому корпусу // Таврический голос (Симферополь). 1920. 21 апр. № 207 (357). С. 1.

²¹ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда общества и гласности: (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы. 2-е изд. Константинополь: Книгоизд-во М. Шульмана, 1921. С. 23.

²² Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 137.

ных документов 1920 г. вообще, как нам кажется, весьма схож со стилем авторских «связок» «константинопольской брошюры»: мы видели отрывистую, резкую, окрашенную яркой индивидуальностью автора речь приказов и телеграмм, склонность Якова Александровича к иронии, его повышенную эмоциональность (даже, по мнению многих, нервность), практическое отсутствие границы между устной и письменной речью, явную спешку при написании и опубликовании (передаче) соответствующих текстов, которая может создавать впечатление сумбурности, косноязычия (так, в апрельском приказе-«зарисовке» малопонятная неподготовленному читателю фраза «говорю всем, как и раньше: “не уйду”» отсылала к неоднократно повторявшемуся Слещовым обязательству «я из Крыма не уйду» — т. е. не уступлю, не сбегу, не отдам Крым большевикам, — принятому им на себя при возглавлении обороны полуострова). Подобными признаками характеризуются и «связки» в тексте «константинопольской брошюры»:

«...Дело как будто бы шло хорошо.

Но это только так казалось, ибо сейчас же дальше начались домашние счеты.

Перевернуть того, что кто-то исполнил свой долг и выполнил свою задачу — не могли...»²³

«...Апрельская атака красных по всему фронту кончилась нашей победой:

— видя тяжелое положение, атаковали мы сами.

Взяты были даже позиции противника.

Доблесть войска спасла все...»²⁴

«...Генерал Врангель на этот мой рапорт ответил, что я утрирую обстановку и что всякий суд надо мной и отставка моя вредны для дела.

Так как он (генерал Врангель) считает, что я подорвал свои силы при обороне Крыма, то он просит меня полечиться, для чего ассигнуется валюта. Лечиться же мне нужно в германских санаториях.

Я отказался и заявил, что зря народных денег тратить не буду...»²⁵

«...После этого он (полковник Протопопов, расстрелянный по приговору, который был утвержден Слещовым. — А.К.) получил приказ выступить против взбунтовавшегося Орлова, но вместо этого — присоединился к последнему.

Тогда я отдаю приказ:

“Немедленно прибыть полковнику Протопопову к генералу Слещову”.

Протопопов и последний приказ тоже не исполнил, и к тому же, когда навели справки, то и чин его оказался сомнительным.

Протопопова поймал и приказал расстрелять.

Тот, кто знает дисциплинарный устав, — знает, что я имел право на это, ибо карал за измену в обстановке боя...»²⁶

Значит ли это, что Слещов просто не умел говорить по-другому? Вовсе нет, — и потому более «уравновешенные», выдержанные в «традиционном» повествовательном стиле страницы той же «константинопольской брошюры» отнюдь не являются свидетельством вторжения в текст чьей-то чужой руки или «двойного авторства»

²³ Слещов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 10.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Там же. С. 50.

тех или иных фрагментов. Выше мы упомянули, что в обсуждавшихся слащовских текстах граница между устной, разговорной и письменной речью довольно условна, теперь же заметим, что более определенное разграничение проходит между специально-военными текстами (будь то оперативные приказы или написанные через несколько лет статьи) — и «всем прочим», что волновало Якова Александровича и побуждало его взяться за перо или диктовать адъютанту или телеграфисту.

По-видимому, сам Слащов если и не осознавал до конца, то по крайней мере интуитивно ощущал эту границу: не случайно в полемической «константинопольской брошюре» он после самоустранения Киленина «заменяет слова “комкор” и “Слащов” словом “я”», а в цикле статей «Материалы по истории гражданской войны в России» (1922)²⁷, имевшем прикладной военно-научный характер (хотя написанном тоже по воспоминаниям), — напротив, вообще отказывается от каких-либо имен, ограничиваясь должностями («командвойск Новороссии», «начдив 4», «комкор 3», «начкавбригады» и т. д.); правда, и в последнем случае он то и дело не может удержаться от иронии или характеристик, имеющих не столько служебную, сколько личную подоплеку.

Впрочем, все приведенные рассуждения, конечно, не могут окончательно решить вопрос об авторстве «константинопольской брошюры» хотя бы потому, что нам неизвестны какие бы то ни было тексты, которые неоспоримо принадлежали бы генералу Киленину, и, следовательно, наблюдения над стилем брошюры и возможные сопоставления оказываются односторонними. Содержание книги, однако, также дает основания для некоторых предположений.

К примеру, в связи со сфабрикованным против Слащова в августе 1920 г. уголовным делом автор брошюры приводит слова Якова Александровича: «...предупреждаю и передайте об этом генералу Петрову (коменданту Главной квартиры. — А. К.), что моему адъютанту <я> запретил давать какие-либо сведения о моих выездах, которые от него потребовал генерал Петров в целях надзора, и что вообще за такие вещи я могу разделаться по-свойски, а следователя спустить с лестницы», — с комментарием: «Это было сказано громко»²⁸. Такой способ защиты и самооправдания представляется, однако, по меньшей мере спорным, и вряд ли осторожный Киленин (согласно свидетельству Слащова учитывавший обстановку вокруг будущей брошюры) стал бы таким образом делать ее главного героя объектом издевок и критики (а ведь, к примеру, полковник-юрист А. Попов, писавший о врангелевской юстиции, специально отмечал, и отмечал как раз в связи с «книжкой» Слащова: «Дело это прежде всего не закончено, хотя ген<ерал> Слащов, по-видимому, полагает, что угрозой его спустить военного следователя с лестницы вопрос о какой-либо уголовной ответственности его совершенно исчерпан»²⁹). Напротив, для Якова Александровича было достаточно сознания собственной моральной правоты — в самом деле, ведь не

²⁷ Слащов Я.А. Материалы по истории гражданской войны в России: (Операции белых, Петлюры и Махно на Украине в последней четверти 1919 года) // Военный вестник. М., 1922. № 9/10, 11, 12, 13.

²⁸ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 52.

²⁹ А. Попов. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь: Типография Л. Бабок и сыновья, 1921. С. 51. Автор установлен по: Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: Записки бывшего военного прокурора. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925. С. 56.

занимался же он «умышленными убийствами, изнасилованиями, разбоем, грабежом и умышленным зажигательством или потоплением чужого имущества», которые ему инкриминировались! — и на этом фоне противоправное намерение «разделаться по-своему» именно в его глазах не должно было становиться чем-то предосудительным.

Обратим внимание также на заключительные слова «константинопольской брошюры»: «...Судите меня, но одновременно судите и тех, кого я обвиняю»; «Родина им простить не может, потому что Крым был неприступен, а войска дрались геройски, так пусть виновников простит Бог (разрядка первоисточника. — А.К.), как сказал старый вождь генерал Деникин, за то зло, которое нанесено ими Русскому делу»³⁰. Здесь имеется в виду фраза из личного письма А.И. Деникина П.Н. Врангелю (февраль 1920 г.), написанного в связи с интригами последнего в «борьбе за власть»: «Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили <генералу> Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...»; «Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло». Однако, публикуя свое письмо в пятом томе «Очерков русской смуты» (1926), Деникин сделал примечание: «Предаю гласности впервые»³¹, — и у нас нет оснований его игнорировать. А тогда круг тех, кто все-таки знал о деникинских словах, приходится считать крайне узким, и включение в него скромного генерала Киленина не кажется нам правдоподобным, — Слещов же в военной иерархии белого Крыма занимал одно из первых мест и, соответственно, мог быть намного лучше информирован.

Итак, даже не ставя последней точки в вопросе об авторстве «константинопольской брошюры», мы должны сделать вывод, что участие в ее написании (именно написании, а не составлении!) Якова Александровича представляется неоспоримым и весьма активным. В принципе можно предположить, что написание и составление были до известной степени разделены и роль Киленина заключалась в подборе и, наверно, каком-то комментировании документов, которые должны были стать основой книги. Допустима и версия — хотя она и кажется нам чересчур смелой, — что сборник документов и публицистический памфлет... вообще изначально являлись двумя различными текстами: писала же в январе 1921 г., еще до выхода «константинопольской брошюры» берлинская газета «Руль» об издании Слещовым «листка под заглавием “Я обвиняю”».

Впрочем, содержание последнего излагалось не очень вразумительно: «...приводит ряд примеров “обвинений” против ген<ерала> Врангеля: тут и нежелание оборонять Крым, и невнимание к советам ген<ерала> Слещова, и какие-то “делки с валютой”, и т. д. В конце ген<ерал> Слещов приводит ряд своих рапортов на имя ген<ерала> Врангеля, ген<ерала> Шатилова и А.В. Кривошеина, в которых он “предвидел” неизбежное падение Крыма и предупреждал о необходимости принять экстренные меры защиты Перекопа»³². Простое перечисление как будто противоречит самому жанру листка, предполагающему небольшой объем, состав же перечисленных документов по версии «Руля» весьма примечателен:

³⁰ Слещов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 93.

³¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 кн. М., 2003. Кн. 3. Т. 4, 5: Вооруженные силы Юга России. С. 784. (Библиотека истории и культуры).

³² Ген<ерал> Слещов // Руль. 1921. 6 янв. № 42. С. 4.

ведь в «константинопольской брошюре» нет ни одного письма («рапорта») Якова Александровича на имя главы Правительства Юга России А.В. Кривошеина, а начальник штаба главнокомандующего генерал П.Н. Шатилов упоминается лишь как передаточная инстанция для рапортов на имя Врангеля; практически отсутствует в брошюре и обсуждение каких-либо валютных операций.

Проще всего предположить, что перед нами — журналистская ошибка, искажение информации при передаче из «русского Константинополя» в «русский Берлин» или домыслы газетчика, услышавшего что-то о рапортах Слащова и связавшего их ничтоже сумняшеся с самыми известными именами крымского периода Гражданской войны. В любом случае содержание «листка», даже если считать его самостоятельным текстом, не повторенным «константинопольской брошюрой», вряд ли оставляет много шансов на правдоподобие версии об объединении в окончательном варианте «документов» Киленина и «обвинений» Слащова.

Расхождения в содержании (в составе приводимых документов) гипотетического «листка» и увидевшей свет книги можно объяснить, обратившись к воспоминаниям Якова Александровича: «Французская контрразведка изъяла всю переписку, касавшуюся роли французов в Крымской обороне» (Слащов считал, что на стратегию Врангеля оказывали пагубное влияние представители Франции, руководствовавшиеся интересами своей страны; этим он объяснял и «испуг» Киленина)³³. Тогда и характеристика Слащова: «Книжка получилась куцая, мало понятная, без надлежащего освещения и полноты описываемых событий»³⁴ — перестает казаться эмоциональной и чрезмерно самокритичной (первый из известных нам отзывов прессы, напротив, утверждает: «Книга безусловно сенсационная и читается с интересом»³⁵), а сводится просто к констатации вторжения в готовый текст посторонней силы: военная администрация стран Антанты и вправду могла вести себя в столице проигравшей мировую войну Турции со всей бесцеремонностью.

С тем же посторонним вмешательством предположительно может быть связана и одна несообразность в тексте: «Так описывает операцию по овладению Северной Таврией беспристрастный зритель», — говорит Слащов³⁶, хотя предшествующее повествование ведется не просто с его точки зрения, но и прямо от его имени, а посчитать генерала «беспристрастным зрителем» в этом случае никак нельзя. Правда, столь же вероятно и обратное предположение — не изъятие из готового текста каких-либо документов «беспристрастного зрителя», а поздняя вставка авторского фрагмента Слащова, как раз перед которым помещена статья «зрителя» из газеты «Заря России» — источник действительно сторонний, даже если и небеспристрастный³⁷. Наконец, несообразность допустимо связать и с какими-то техническими неполадками, о которых бегло упоминает генерал: «Печатание шло с трениями, — выпал шрифт...»³⁸, — так что неоспоримым пред-

³³ Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 142–143.

³⁴ Там же. С. 143.

³⁵ Книга генерала Слащова // Последние новости. 1921. 20 янв. № 230. С. 3.

³⁶ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 23.

³⁷ См.: Там же. С. 21, 23.

³⁸ Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 143.

ставляется только отсутствие (или небрежность) редактуры, легко объяснимая недостатком времени, а может быть, и взвинченным состоянием, в котором, судя по всему, пребывал в те дни Яков Александрович.

Заговорив о приводимых Слащовым документах, следует подчеркнуть, что они составляют не только существенную, но и неотъемлемую, композиционно необходимую часть «константинопольской брошюры», — и это также становится доводом против предположения о самостоятельности «сборника документов Киленина» и «листка-памфлета Слащова». Принцип цитирования внешних источников, кажется, раскрывает взгляды автора на ценность документа самого по себе: приказы, телеграммы, письма, свои и чужие, практически никогда не пересказываются и не даются в извлечениях, а приводятся в первоизданном виде, включая датировку, делопроизводственные номера и т. д. При этом Яков Александрович обращается к документам вовсе не с целью осветить что-либо находившееся за пределами его личных наблюдений, а как бы в качестве «прямой речи», заменяя ими опосредованное изложение событий, размышлений или оценки ситуации. Аутентичность источника, по мысли Слащова, должна была, очевидно, подкреплять его авторскую позицию, убеждать читателя в ее обоснованности и соответствии исторической правде.

Но не приписываем ли мы Слащову взглядов, которых он в действительности не придерживался? Ведь в воспоминаниях, написанных им в Москве, генерал лишь трижды прибегает к прямому и полному цитированию источников³⁹, причем в одном случае делает примечание: «Подлинный текст... отпечатан в константинопольской брошюре документов» (похожую ссылку он дает и при пересказе другого источника: «Это донесение... полностью опубликовано в Константинопольской брошюре моих документов (страницы 6, 7)»)⁴⁰. Не более полезной для подсоветского читателя должна была стать и другая ссылка Слащова: «См. крымские белые газеты за февраль — март 1920 г.»⁴¹ — источник, далеко не самый доступный в СССР. Следует, однако, обратить внимание на разницу в настроениях и целях Якова Александровича на рубеже 1920 и 1921 гг. и в 1922–1923 гг. «Константинопольскую брошюру» он очень хотел поскорее написать и издать — это было единственным оставшимся ему средством борьбы за сохранение на чужбине Русской армии, предотвращение ее деморализации и устранение от командования лиц, которых он считал ответственными за крымскую катастрофу и скомпрометированными. Напротив, в «Совдепию» генерал ехал уж явно не для занятий литературным трудом.

«Прошу строевой должности», — зафиксировано в его опросном листе, заполненном сразу же после приезда в Москву, 10 ноября 1921 г.⁴² «Последнее время при своей жизни (так в первоисточнике. — А.К.) он усиленно стремился получить обе-

³⁹ См.: Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 32–33, 109–110, 121–122.

⁴⁰ Там же. С. 32, 65.

⁴¹ Там же. С. 49.

⁴² Ответы генерал-лейтенанта Я.А. Слащова на заданные ему в ВЧК вопросы // Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание, 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. М., 1998. С. 94 (документ № 139).

щанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом», — рассказывал бывший сослуживец Слащова по московским курсам «Выстрел» С.Д. Харламов⁴³. Но советское руководство, очевидно не веря (и, похоже, обоснованно), что защитник Крыма перешел к ним для «честной» службы в Красной армии, предполагало (утвержденный Политбюро ЦК РКП(б) проект Л.Д. Троцкого и И.С. Уншлихта):

«5) Ввиду настаивания Слащова и других на предоставлении им военных должностей, преимущественно строевых, ответить им, что военное ведомство несомненно рассчитывает приобрести в их лице ценных работников, но что окончательное определение характера работы сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на сторону Советской России названных лиц, поймет мотивы, вообще освоится с этим фактом.

6) Тем временем главная работа группы Слащова должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией (имеется в виду не коллективный труд, а индивидуальная работа офицеров, приехавших в Советскую Республику вместе со Слащовым. — А.К.). <...>

7) До написания этих мемуаров рекомендовать группе Слащова воздерживаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались...»⁴⁴

Таким образом, вряд ли следует говорить об изменении взглядов Якова Александровича на методы работы мемуариста — включил же он в свои московские «отрывки из воспоминаний» (подзаголовок книги «Крым в 1920 г.») «План защиты днепровского района» (1920), не публиковавшийся в свое время в «константинопольской брошюре»⁴⁵. Просто в эмиграции мысль и слово Слащова-Крымского были свободны, несмотря ни на какие лишения и разочарования в «суде общества и гласности», в то время как в СССР его жизнь, по собственному признанию, была «адам», — а мемуарное творчество оборачивалось своего рода бумажной каторгой.

...Многое из изложенного на этих страницах, в сущности, не выходит за рамки версий, предположений, более или менее подтвержденных, более или менее убедительных, — и в таком качестве может даже зависеть от субъективной готовности читателя воспринять или не воспринимать аргументы исследователя. И все-таки разговор о столь деликатной материи, как особенности воспоминаний, причуды человеческой памяти, тонкости авторского стиля, по нашему мнению, не только возможен, но и необходим, ибо не только определенные ответы, но и правильно поставленные вопросы составляют содержание исторического знания. К такой теме, заведомо предлагающей больше вопросов, чем ответов, как недолгая эмиграция генерала Слащова-Крымского, это относится в полной мере.

⁴³ Цит. по: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000. С. 104.

⁴⁴ Предварительное заключение Л.Д. Троцкого и И.С. Уншлихта по вопросу дальнейшего поведения в отношении Слащова и его группы, рассмотренное и утвержденное 18 ноября 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) // Неизвестная Россия, XX век. [Кн.] 3. [М.], 1993. С. 113.

⁴⁵ См.: Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 109–110.